

# ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.094-104

А. В. Ефимов\*

## Применение норм о предпринимательских обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративных договоров

**Аннотация.** В результате реформы обязательственного и договорного права 2015 г. более отчетливо выразилось деление обязательств на те, которые связаны с осуществлением предпринимательской деятельности (B2B — собственно предпринимательские обязательства, B2C), и те, которые не связаны с осуществлением предпринимательской деятельности (C2C). Учитывая данное деление, проблемным видится вопрос о квалификации отношений, которые возникают из корпоративных договоров. В рамках статьи определено, что такие отношения являются обязательственными, однако вопрос о том, нормы о каких именно обязательствах подлежат применению, остается открытым. В ГК РФ лишь фрагментарно указывается на применение норм о предпринимательских обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративного договора. Дискуссионность данному вопросу придает сформированная позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой отношения, связанные с осуществлением корпоративных прав, относятся не к предпринимательской, а к иной экономической деятельности, что затрудняет применение норм именно о предпринимательских обязательствах. Вместе с тем автор предлагает квалифицировать обязательства из корпоративных договоров в качестве предпринимательских, если лица, которые заключают корпоративный договор, являются аффилированными лицами по отношению к этому юридическому лицу или если в результате заключения корпоративного договора его участники становятся аффилированными лицами.

**Ключевые слова:** корпоративный договор; корпоративные отношения; договорные отношения; предпринимательские обязательства; потребитель; предпринимательская деятельность; экономическая деятельность; аффилированность; аффилированные лица; корпорация; юридическое лицо.

**Для цитирования:** Ефимов А. В. Применение норм о предпринимательских обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративных договоров // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 2. — С. 94—104. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.094-104.

---

© Ефимов А. В., 2020

\* Ефимов Анатолий Викторович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права, заместитель декана очного юридического факультета по организации научно-исследовательской работы студентов Российского государственного университета правосудия  
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418  
av\_efimov@inbox.ru

## Application of Business Liabilities Rules to Relations Arising from Corporate Contracts

**Anatoliy V. Efimov**, Cand. Sci. (Law), Lecturer of the Department of Civil Law, Deputy Dean of the Faculty of Law for Organization of Research Work of Students, the Russian State University of Justice  
ul. Novocheryomushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418  
av\_efimov@inbox.ru

**Abstract.** The 2015 reform of liabilities and contract law expressed in a clearer manner the division of obligations into those related to the implementation of business operations (b2b — business liabilities themselves, b2c) and those not related to the implementation of business operations (c2c). Given this division, the issue of classification of relations that arise from corporate contracts seems problematic. The paper determines that such relations are binding, but the question of which liability rules are to be applied remains open. The Civil Code of the Russian Federation only fragmentarily indicates the application of the rules on business liabilities to relations arising from a corporate contract. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation Discussion contributes to the discussion of the issue. It states that relations related to the exercise of corporate rights do not relate to business, but to other economic operations, which makes it difficult to apply the rules specifically to business liabilities. At the same time, the author proposes to classify corporate contracts liabilities as business if the persons concluding a corporate contract are affiliated with this legal entity or if, because of the conclusion of a corporate contract, its participants become affiliated persons.

**Keywords:** corporate contract; corporate relations; contractual relationship; business liabilities; consumer; business operations; economic activity; affiliation; affiliates; corporation; entity.

**Cite as:** Efimov AV. *Primenenie norm o predprinimatelskikh obyazatelstvakh k otnosheniyam, vznikayushchim iz korporativnykh dogovorov* [Application of business liabilities rules to relations arising from corporate contracts]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(2):94-104. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.094-104. (In Russ., abstract in Eng.).

Современное правовое регулирование прямо указывает на возможность участников хозяйственных обществ и иных заинтересованных лиц заключать корпоративные договоры (ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ). Поскольку договор как таковой «является уникальным средством регулирования общественных отношений, дающим возможность субъектам самостоятельно устанавливать свои права и обязанности»<sup>1</sup>, лица, заключающие корпоративный договор, могут устанавливать в индивидуальном порядке права и обязанности по поводу осуществления корпоративных прав. Вместе с тем регулирование отношений, возникающих из корпоративных договоров, на уровне ГК РФ и специальных законов о хозяйственных обществах является во многом фрагментарным, неопределенным, что приводит к отсутствию

единообразия в правоприменительной практике. В этой связи доктринальное исследование таких отношений позволит выявить их специфику и определить круг применимых принципов и норм.

В научных работах ведутся споры о принципиальной возможности применения к отношениям из корпоративных договоров норм об обязательствах. Направленность корпоративного договора на организацию уже существующих общественных отношений (корпоративных) позволила С. Ю. Морозову указать на организационную правовую природу корпоративного договора<sup>2</sup>. Представляется, что в связи с выявлением именно организационной природы корпоративного договора В. В. Кулаков сделал следующие выводы: 1) корпоративные договоры направлены на создание устойчивого сообщества; 2) из

---

<sup>1</sup> Кондратьев В. А. Заключение договора // Российское правосудие. 2016. № 1. С. 20.

<sup>2</sup> См.: Морозов С. Ю. Совершенствование российского гражданского законодательства о юридических лицах на современном этапе // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2013. № 3. С. 76.

корпоративного договора в строгом смысле слова не возникает обязательство, т.к. нельзя определить лиц, которые будут на стороне кредитора или должника<sup>3</sup>. Из представленных точек зрения следует, что корпоративный договор не порождает обязательственные отношения.

В теории также высказываются мнения об обязательственной природе отношений из корпоративного договора. В частности, критикуя подход, отрицающий возникновение обязательств из корпоративного договора, К. О. Осипенко пишет, что организационный характер корпоративного договора и невозможность четкого разграничения должника и кредитора не исключают квалификацию такого договора в качестве многостороннего, где каждая из его сторон выступает одновременно кредитором и должником<sup>4</sup>. Уместно также привести позицию В. Г. Бородинкина, который указывает, что из корпоративного договора не возникают корпоративные права и обязанности (не возникают корпоративные отношения)<sup>5</sup>, но из него возникают обязательственные отношения<sup>6</sup>. Несмотря на то что из корпоративного договора новые, именно корпоративные, права и обязанности не возникают, заключение корпоративного договора предполагает возникновение иных субъективных прав и обязанностей, которые направлены на осуществление или воздержание от осуществления уже существующих корпоративных прав.

Придерживаясь позиции об обязательственных отношениях, возникающих из корпоративного договора, можно полагать, что, несмотря на

упоминание корпоративного договора в отдельных статьях ГК РФ, формирование целостного представления о применении норм об обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративного договора, затруднено. Дело в том, что в настоящее время в ГК РФ (после реформы 2015 г.) выделяются три разновидности обязательств: 1) обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности всеми его сторонами — собственно предпринимательские обязательства; 2) обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами; 3) обязательства, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности его сторонами<sup>7</sup>. Деление договорных обязательств по критерию связанности сторон с осуществлением предпринимательской деятельности основано на п. 1 ст. 2 ГК РФ, согласно которому «гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием».

Дифференцированный подход к регулированию договорных отношений характерен не только для современного российского права. Интересно отметить, что в монографии «Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве», опубликованной в 1954 г., Р. О. Халфина проводила и обосновывала аналогичное деление отношений, регулируемых договорами, выделяя отношения между социалистическими организациями, отношения между социалистическими организациями и гражданами, отношения между гражданами<sup>8</sup>.

<sup>3</sup> См.: Кулаков В. В. О системе договоров в гражданском праве // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений : сборник научных статей / отв. ред. Л. А. Аксенчук. М. : РАП, 2014. С. 67.

<sup>4</sup> См.: Осипенко К. О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. М. : Инфотропик Медиа, 2016. С. 19.

<sup>5</sup> См.: Андреев В. К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений. С. 14.

<sup>6</sup> См.: Бородинкин В. Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 46, 65—66.

<sup>7</sup> См.: Кирпичев А. Е. Предпринимательские обязательства (business-to-business contracts) и государственное регулирование экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 4. С. 26—30.

<sup>8</sup> См.: Халфина Р. О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М. : Издательство АН СССР, 1954. С. 6—7.

Представляется, что приведенное деление не было случайностью, обусловленной только патерналистским характером советского права. Такое деление подчеркнуло закономерность развития права относительно влияния субъектного состава на различное правовое регулирование договорных отношений.

Вопрос о делении договорных отношений в зависимости от субъектного состава затронул и европейское частное право в связи с наличием в договорных отношениях потребителей, статус которых обусловлен существованием предпринимателей. Право столкнулось с необходимостью особой охраны потребителей. Несмотря на то что классическое европейское договорное право, ориентированное в первую очередь на регулирование коммерческих сделок, не допускало различий в зависимости от правового положения сторон договора, в настоящее время законодательство все более отчетливо различает отношения в зависимости от специального субъектного состава, что приводит к разрушению единства договорного права<sup>9</sup>. Существенное влияние на развитие европейского права оказало принятие Модельных правил европейского частного права (DCFR)<sup>10</sup>, которые, в отличие от Принципов европейского договорного права (PECL) и Принципов международных коммерческих контрактов (PICC), затрагивают вопросы не только предпринимательских, но и непредпринимательских договоров. Например, в DCFR в зависимости от специфики субъектного состава фиксируются разные правила о несправедливых договорных условиях (*unfair terms*) (II.-9:403 — II.-9:405). Таким образом, под влиянием фигуры потребителя в европейском праве формируется деление договоров на договоры: 1) где все стороны осуществляют предпринимательскую деятельность (*business-*

*to-business contract, B2B*); 2) где есть предприниматели и потребители (*contract between a business and consumer, B2C*); 3) где стороны не осуществляют предпринимательскую деятельность (*C2C* или более точно: *person-to-person contract, P2P*)<sup>11</sup>. Исходя из этого, можно сделать вывод, что отечественная реформа договорного и обязательственного права 2015 г. вполне закономерно отразила деление договоров по специфике субъектного состава, что соответствует как ст. 2 ГК РФ, так и тенденции развития европейского договорного права.

Деление договорных обязательств предполагает разное правовое регулирование, т.е. регулирование предпринимательских обязательств отличается от непредпринимательских. В частности, как отмечает А. Е. Кирпичев, «предпринимательским обязательствам свойственно “дерегулирование”, т.е. отмена обязательных для всех иных случаев императивных норм. Чаще всего вместо общей нормы, действующей на любые иные обязательства, законодатель указывает на предпринимательские обязательства как на исключение, когда эта норма не должна применяться»<sup>12</sup>. В этой связи общий подход о применении к обязательствам из корпоративных договоров норм об обязательствах не позволяет определить, нормы о каких именно обязательствах должны применяться.

Сторонники теории предпринимательского права чаще всего квалифицируют отношения из корпоративного договора как предпринимательские, обосновывая это тем, что корпоративное право является подотраслью предпринимательского права<sup>13</sup>. Вместе с тем другие теоретики называют корпоративное право подотраслью гражданского права, поскольку корпоративные отношения прямо поименованы в ст. 2 ГК РФ и входят в предмет гражданского

<sup>9</sup> *Chen-Wishart M. Contract Law. 4th ed. Oxford University Press, 2012. P. 16.*

<sup>10</sup> См.: Модельные правила европейского частного права / пер. с англ. ; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013. 989 с.

<sup>11</sup> *Jurčová M., Novotná M. European Contract Law. Trnavská univerzita v Trnave, Právnická fakulta, 2013. Pp. 26—28.*

<sup>12</sup> Кирпичев А. Е., Кондратьев В. А. Предпринимательское право : курс лекций. М. : РГУП, 2017. С. 89 (автор параграфа — А. Е. Кирпичев).

<sup>13</sup> См.: Современное предпринимательское право : монография / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2014. С. 128 (автор параграфа — В. А. Лаптев).

права<sup>14</sup>. Данный теоретический спор влечет серьезные практические последствия, т.к. от его решения зависит круг применимых принципов и норм к отношениям, возникающим из корпоративного договора. В рамках первого подхода предполагается применение норм о предпринимательских обязательствах. В то же время, если придерживаться второго подхода, нельзя сделать однозначного вывода о том, какие нормы гражданского законодательства будут применяться: общие для непредпринимательских обязательств или специальные для предпринимательских обязательств, которые также содержатся в ГК РФ. Если теория предпринимательского права позволяет однозначно отвечать на вызовы современной практики заключения корпоративных договоров, то цивилистический подход порождает неопределенность.

Научные дискуссии не теряют своей актуальности в связи с тем, что в ГК РФ и специальных законах приводятся только фрагментарные упоминания о применении к отношениям из корпоративного договора норм о предпринимательских обязательствах, однако общий подход о возможности применения ко всем таким отношениям норм о предпринимательских обязательствах однозначно не закреплен.

Например, в ст. 310 ГК РФ содержатся правила, допускающие односторонний отказ от исполнения обязательства, если это предусмотрено ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами. Однако, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности хотя бы одной стороной, то для таких отношений право допускает дерегулирование, т.к. появляется возможность установить право на односторонний отказ еще и в договоре. Данные нормы являются показательными, поскольку фактически только в отношении ст. 310 ГК РФ Верховный

Суд РФ высказался о возможности применения специальной предпринимательской нормы к отношениям, возникающим из корпоративных договоров. Так, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 разъясняется, что «по смыслу статьи 67.2 ГК РФ условиями корпоративного договора может быть предусмотрено право на односторонний отказ от исполнения обязательств для любого из его участников»<sup>15</sup>. Подобное толкование, по сути, подводит любые отношения из корпоративных договоров (независимо от субъектного состава и от осуществляемой деятельности участников договора) под действие нормы о предпринимательском обязательстве. Несмотря на общую спорность применения в данном случае нормы о предпринимательском обязательстве, деятельность Верховного Суда РФ свидетельствует о стремлении внести ясность и единообразное применение права к корпоративным договорам, что не всегда прослеживается при толковании и применении иных норм о предпринимательских обязательствах.

Другой яркий пример связан с п. 5 ст. 406.1 ГК РФ, согласно которому правила статьи о возмещении потерь, которые стороны обязательства могут предусмотреть своим соглашением, действуя при осуществлении предпринимательской деятельности, применяются в случаях, если условие о возмещении потерь предусмотрено в корпоративном договоре. В пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7<sup>16</sup> поясняется, что «соглашение о возмещении потерь может быть заключено лишь сторонами, действующими при осуществлении ими предпринимательской деятельности (пункт 1 статьи 406.1 ГК РФ), а также лицами, указанными в пункте 5 статьи 406.1 ГК РФ». Таким образом, участники корпоративного договора прямо не указываются в качестве предпри-

<sup>14</sup> См.: Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 51.

<sup>15</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 2016. 5 декабря.

<sup>16</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. 4 апреля.

нимателей, однако на такие отношения фактически распространяется предпринимательское законодательство.

В остальных нормах ГК РФ об обязательствах отсутствуют упоминания о специфике отношений, возникающих из корпоративного договора, что осложняет правоприменение. В частности, возникают вопросы об ответственности за нарушение обязательств, возникающих из корпоративных договоров. Так, в п. 1 ст. 401 ГК РФ (общее правило) предполагается необходимость установления всех условий гражданско-правовой ответственности. В то же время лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность без установления его вины (диспозитивная норма). Если считать, что к отношениям из корпоративного договора применяются нормы о предпринимательских обязательствах, то при привлечении лица к гражданско-правовой ответственности вследствие нарушения корпоративного договора не требуется установление его вины. Однако в судебной практике суды основываются на общей норме (для непредпринимателей) и указывают на необходимость доказывания вины участника, нарушившего корпоративный договор<sup>17</sup>. То есть в данном случае специальное предпринимательское законодательство не применяется, что идет вразрез с логикой толкования и применения ст. 310, 406.1 ГК РФ.

Поскольку корпоративный договор является разновидностью договора, особого внимания заслуживает вопрос о применении к нему не только общих положений об обязательствах, но и общих положений о договоре.

Например, согласно п. 4 ст. 431.2 ГК РФ последствия, предусмотренные п. 1 и 2 указанной статьи, применяются к стороне, давшей недостоверные заверения при осуществлении предпринимательской деятельности, а равно и в

связи с корпоративным договором либо договором об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества, независимо от того, было ли ей известно о недостоверности таких заверений, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Из данной статьи следует, что корпоративный договор прямо не относится к осуществлению предпринимательской деятельности, но к нему применяются правила, которые свойственны предпринимательским отношениям.

Другой пример. Учитывая, что корпоративный договор может предполагать множественность участников, уместен вопрос о применении к отношениям из корпоративного договора абз. 2 п. 1 ст. 450 ГК РФ, согласно которому «многосторонним договором, исполнение которого связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, может быть предусмотрена возможность изменения или расторжения такого договора по соглашению как всех, так и большинства лиц, участвующих в указанном договоре, если иное не установлено законом». Если отношения из корпоративного договора квалифицировать как предпринимательские, то данная норма подлежит применению. Е. В. Глухов полагает, что ограничение данного правила только отношениями с участием лиц, все из которых осуществляют предпринимательскую деятельность, не должно распространяться на корпоративные договоры, обосновывая это тем, что «физические лица, будучи участниками хозяйственных обществ, извлекают прибыль из владения акциями (долями участия в уставном капитале) и, таким образом, осуществляют коммерческую деятельность, даже не имея статуса предпринимателя для целей п. 1 ст. 450 ГК РФ»<sup>18</sup>. В предложенном подходе Е. В. Глухов обращает внимание на возможность применения абз. 2 п. 1 ст. 450 ГК РФ в силу того, что по одному признаку деятельность лиц, связанная с осуществлением кор-

<sup>17</sup> См.: постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2018 № 08АП-3874/2018 по делу № А46-17579/2017; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.12.2017 № 09АП-56652/2017 по делу № А40-22448/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>18</sup> Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М.: М-Логос, 2017. С. 551.

поративных прав, квалифицируется как предпринимательская, хотя сами они не являются предпринимателями.

Необходимо учитывать, что в ГК РФ нет специальных правил о том, кто именно может быть участником корпоративного договора. Ими могут быть как предприниматели (юридические лица, индивидуальные предприниматели), так и физические лица, которые не являются предпринимателями. В этой связи А. А. Маковская ставит вполне ожидаемый вопрос о том, «являются ли корпоративные договоры с участием лиц-непредпринимателей договорами, к которым должны применяться специальные правила, установленные для предпринимательских договоров»<sup>19</sup>. Сама постановка вопроса свидетельствует о том, что А. А. Маковская пытается оценить зависимость специфики корпоративного договора от формального статуса его участников. Между тем необходимо учитывать, что в ГК РФ определение того, какая норма будет применяться (общая или специальная предпринимательская), обусловлено не столько формальным субъектным составом, сколько характеристикой самой деятельности, которая опосредуется обязательствами. Данная идея получила отчетливое воплощение в ходе реформы 2017 г., в результате которой были изменены ст. 2 и 23 ГК РФ.

В этом смысле более взвешенной является позиция А. Г. Карапетова, который не учитывает формальный статус участников договора и делает вывод, что непосредственно природа корпоративного договора «носит сугубо предпринимательский характер»<sup>20</sup>. Однако фактически

А. Г. Карапетов предлагает все корпоративные договоры квалифицировать как предпринимательские и, следовательно, применять к ним нормы предпринимательского законодательства без учета того, является ли сама деятельность, связанная с участием в корпорации и осуществлением корпоративных прав, предпринимательской. В литературе предлагается объяснение предпринимательского характера корпоративного договора через связь деятельности участников с предпринимательской деятельностью самого юридического лица<sup>21</sup>. Такая позиция требует специального рассмотрения.

Согласно сформированной позиции Конституционного Суда РФ, «деятельность акционеров не является предпринимательской (она относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности) — предпринимательскую деятельность осуществляют не акционеры как таковые, а само акционерное общество. Данный вывод в полной мере распространяется и на иные, помимо владения акциями, права участия в уставном капитале коммерческой организации и означает, что такое участие само по себе не может расцениваться в качестве предпринимательской деятельности»<sup>22</sup>. Согласно справедливой позиции И. В. Ершовой экономическая деятельность представляет собой обобщающее понятие, включающее хозяйственную, предпринимательскую, профессиональную, приносящую доход, коммерческую, торговую деятельность<sup>23</sup>. Получается, что деятельность участника юридического лица сама по себе связана с осуществлением корпоративных прав и обязанностей, но не является предпринимательской.

<sup>19</sup> Маковская А. А. Корпоративный договор как предпринимательский договор // *Хозяйство и право*. 2017. № 11. С. 33.

<sup>20</sup> Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В., Сулейманов Р. У. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2017. № 3. С. 99—100 (автор комментария — А. Г. Карапетов).

<sup>21</sup> См.: Артамкина Е. В., Потапенко С. В. О понятии, значении и правовой природе корпоративного договора // *Власть закона*. 2014. № 3. С. 60.

<sup>22</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П // *СЗ РФ*. 2013. № 1. Ст. 78 ; постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // *СЗ РФ*. 2004. № 9. Ст. 830.

<sup>23</sup> Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // *Lex russica*. 2016. № 9. С. 58.

Вместе с тем, как представляется, позиция Конституционного Суда РФ может быть доработана с учетом поправки на степень связанности деятельности участника (участников) корпорации с деятельностью самой корпорации, на степень влияния участника (участников) корпорации на корпорацию. Следуя логике В. С. Мартемьянова о включении органов хозяйственного руководства в деятельность самой хозяйственной системы<sup>24</sup>, можно отметить, что, деятельность участников корпорации по корпоративному управлению связана с деятельностью самого юридического лица, поскольку участники включаются в предпринимательскую деятельность юридического лица и влияют на нее. При этом квалификация деятельности участника как предпринимательской может быть обусловлена степенью включенности участника в предпринимательскую деятельность юридического лица, а следовательно, и его возможностью влияния на предпринимательскую деятельность юридического лица. Оценивая возможности участников корпорации по влиянию на корпорацию, А. Е. Кирпичев затрагивает вопрос о квалификации в качестве лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, во-первых, участников непубличных обществ и, во-вторых, аффилированных лиц публичных хозяйственных обществ<sup>25</sup>. Представляется, что данный вывод в целом заслуживает поддержки, но нуждается в уточнении.

Действительно, конструкция непубличных обществ позволяет сохранять относительно стабильный состав участников, что указывает на их заинтересованность в устойчивом развитии корпорации в долгосрочной перспективе. Вместе с тем статус участника непубличного общества сам по себе не позволяет влиять на

юридическое лицо, в частности если у участника небольшой процент участия в уставном капитале. Определить минимальное влияние, которое указывает на квалифицирующее значение степени включенности участника в деятельность юридического лица и, соответственно, на влияние предпринимательской деятельности юридического лица на характер деятельности участника, позволяет понятие аффилированности. В этой связи можно предложить квалифицировать обязательства, возникающие из корпоративных договоров, в качестве предпринимательских, если их заключают аффилированные лица или если в результате заключения корпоративных договоров лица становятся аффилированными (например, когда миноритарии договариваются о единообразном голосовании и за счет отклонения от принципа пропорциональности («одна акция — один голос»)<sup>26</sup> способны заблокировать принятие того или иного решения). При определении лица как аффилированного можно исходить из того, что «лицо является аффилированным, если оно: 1) связано с юридическим лицом правоотношением или системой правоотношений, в том числе корпоративных и обязательственных; 2) оказывает влияние на деятельность юридического лица в силу социальной зависимости, в том числе экономической и организационной; 3) включено в совместную деятельность с юридическим лицом и имеет заинтересованность в достижении результатов такой деятельности; 4) имеет возможность влиять на принятие решений юридического лица относительно его участия в правоотношениях с другими лицами; 5) имеет такую степень влияния, которая достаточна для блокирования принятия решений юридического лица»<sup>27</sup>.

<sup>24</sup> См.: Мартемьянов В. С. Общие положения советского хозяйственного права. Закон. Проблемы. Предложения : учебное пособие. М. : ВЮЗИ, 1987. С. 60.

<sup>25</sup> Кирпичев А. Е. Конкретизация понятия предпринимательской деятельности в позитивном праве и его толкование в судебной практике // Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права : монография : в 2 т. / отв. ред. С. Д. Могилевский, Ю. Г. Лескова, О. А. Золотова, О. В. Сушкова. М. : РГ-Пресс, 2019. Т. 1. С. 253.

<sup>26</sup> Baglioni A. S. Shareholders' Agreements and Voting Power: Evidence from Italian Listed Firms // URL: <http://ssrn.com/abstract=1092864> (дата обращения: 29.05.2019).

<sup>27</sup> Ефимов А. В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 12—13.

Таким образом, в основу данной статьи легла идея о том, что отношения, возникающие из корпоративных договоров, являются обязательственными. В то же время применение норм об обязательствах осложняется спецификой таких отношений. Реформа ГК РФ 2015 г. повлияла на дифференциацию правового регулирования обязательственных отношений по критерию связанности с предпринимательской деятельностью (B2B, B2C, C2C). В условиях, когда в статьях ГК РФ о предпринимательских обязательствах корпоративный договор упоминается только в редких случаях, применение норм об обязательствах осложняется неопределенностью в вопросе о том, нормы о каких именно обязательствах подлежат применению.

С целью квалификации обязательств, возникающих из корпоративных договоров, было предложено ориентироваться на характер деятельности участников корпорации, которые заключают корпоративный договор. Из позиции Конституционного Суда РФ следует, что деятельность участников, связанная с осуществлением корпоративных прав, сама по себе не является предпринимательской, она квалифицируется в качестве иной экономической деятельности. Вместе с тем было отмечено, что отнесение де-

ятельности участников к иной экономической (непредпринимательской) деятельности осуществляется без учета степени влияния участника на юридическое лицо и обратного влияния предпринимательской деятельности юридического лица на характер деятельности участника.

Для выявления предпринимательского характера деятельности участника предложено установить его влияние на юридическое лицо исходя из того, что увеличение степени влияния участника прямо отражает увеличение степени включенности участника в предпринимательскую деятельность самого юридического лица. При определении минимального влияния, которое позволяет констатировать включенность участника в предпринимательскую деятельность корпорации, предложено использовать понятие аффилированности. В этой связи сделан вывод, что к обязательствам из корпоративных договоров будут применяться нормы о предпринимательских обязательствах, если участниками корпоративного договора являются аффилированные лица корпорации или если в результате заключения корпоративного договора участники становятся аффилированными лицами, приобретая, например, возможность блокирования принятия решений.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев В. К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений : сборник научных статей / отв. ред. Л. А. Аксенчук. — М. : РАП, 2014. — 328 с.
2. Артамкина Е. В., Потапенко С. В. О понятии, значении и правовой природе корпоративного договора // Власть закона. — 2014. — № 3.
3. Бородкин В. Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 255 с.
4. Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. — М. : М-Логос, 2017. — 672 с.
5. Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex russica. — 2016. — № 9.
6. Ефимов А. В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 248 с.
7. Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В., Сулейманов Р. У. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 3.

8. Кирпичев А. Е. Конкретизация понятия предпринимательской деятельности в позитивном праве и его толкование в судебной практике // Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права : монография : в 2 т. / отв. ред. С. Д. Могилевский, Ю. Г. Лескова, О. А. Золотова, О. В. Сушкова. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Т. 1. — 640 с.
9. Кирпичев А. Е. Предпринимательские обязательства (business-to-business contracts) и государственное регулирование экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2018. — № 4.
10. Кирпичев А. Е., Кондратьев В. А. Предпринимательское право : курс лекций. — М. : РГУП, 2017. — 146 с.
11. Кондратьев В. А. Заключение договора // Российское правосудие. — 2016. — № 1.
12. Кулаков В. В. О системе договоров в гражданском праве // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений : сборник научных статей / отв. ред. Л. А. Аксенчук. — М. : РАП, 2014. — 328 с.
13. Маковская А. А. Корпоративный договор как предпринимательский договор // Хозяйство и право. — 2017. — № 11.
14. Мартеньянов В. С. Общие положения советского хозяйственного права. Закон. Проблемы. Предложения : учебное пособие. — М. : ВЮЗИ, 1987. — 81 с.
15. Морозов С. Ю. Совершенствование российского гражданского законодательства о юридических лицах на современном этапе // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. — 2013. — № 3.
16. Осипенко К. О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. — М. : Инфотропик Медиа, 2016. — 176 с.
17. Современное предпринимательское право : монография / отв. ред. И. В. Ершова. — М. : Проспект, 2014. — 352 с.
18. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. — М. : Статут, 2014. — 456 с.
19. Халфина Р. О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1954. — 239 с.
20. Baglioni A. S. Shareholders' Agreements and Voting Power: Evidence from Italian Listed Firms // URL: <http://ssrn.com/abstract=1092864> (дата обращения: 29.05.2019).
21. Chen-Wishart M. Contract Law. — Fourth edition. — Oxford University Press, 2012. — 586 p.
22. Jurčová M., Novotná M. European Contract Law. — Trnavská univerzita v Trnave, Právnická fakulta, 2013. — 100 p.

*Материал поступил в редакцию 2 июля 2019 г.*

#### REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreev V. K. Sushchestvo korporativnogo dogovora // Modernizaciya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya dogovornyh otnoshenij : sbornik nauchnyh statej / otv. red. L. A. Aksenchuk. — M. : RAP, 2014. — 328 s.
2. Artamkina E. V., Potapenko S. V. O ponyatii, znachenii i pravovoj prirode korporativnogo dogovora // Vlast' zakona. — 2014. — № 3.
3. Borodkin V. G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnogo dogovora : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 255 s.
4. Gluhov E. V. Korporativnyj dogovor: podgotovka i soglasovanie pri sozdanii sovmestnogo predpriyatiya. — M. : M-Logos, 2017. — 672 s.
5. Ershova I. V. Ekonomicheskaya deyatel'nost': ponyatie i sootnoshenie so smezhnymi kategoriyami // Lex russica. — 2016. — № 9.
6. Efimov A. V. Priznaki, osnovaniya i grazhdansko-pravovye posledstviya affilirovannosti yuridicheskikh lic : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 248 s.

7. Karapetov A. G., Pavlov A. A., Sarbash S. V., Sulejmanov R. U. Kommentarij k postanovleniyu Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.11.2016 № 54 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij GK RF ob obyazatel'stvah i ih ispolnenii» // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2017. — № 3.
8. Kirpichev A. E. Konkretizaciya ponyatiya predprinimatel'skoj deyatel'nosti v pozitivnom prave i ego tolkovanie v sudebnoj praktike // Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo, korporativnogo, ekologicheskogo i trudovogo prava : monografiya : v 2 t. / otv. red. S. D. Mogilevskij, Yu. G. Leskova, O. A. Zolotova, O. V. Sushkova. — M. : RG-Press, 2019. — T. 1. — 640 s.
9. Kirpichev A. E. Predprinimatel'skie obyazatel'stva (business-to-business contracts) i gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. — 2018. — № 4.
10. Kirpichev A. E., Kondrat'ev V. A. Predprinimatel'skoe pravo : kurs lekcij. — M. : RGUP, 2017. — 146 s.
11. Kondrat'ev V. A. Zaklyuchenie dogovora // Rossijskoe pravosudie. — 2016. — № 1.
12. Kulakov V. V. O sisteme dogovorov v grazhdanskom prave // Modernizaciya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya dogovornyh otnoshenij : sbornik nauchnyh statej / otv. red. L. A. Aksenchuk. — M. : RAP, 2014. — 328 s.
13. Makovskaya A. A. Korporativnyj dogovor kak predprinimatel'skij dogovor // Hozyajstvo i pravo. — 2017. — № 11.
14. Martem'yanov V. S. Obshchie polozheniya sovetskogo hozyajstvennogo prava. Zakon. Problemy. Predlozheniya : uchebnoe posobie. — M. : VYuZl, 1987. — 81 s.
15. Morozov S. Yu. Sovershenstvovanie rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva o yuridicheskikh licah na sovremennom etape // Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda. — 2013. — № 3.
16. Osipenko K. O. Dogovor ob osushchestvlenii prav uchastnikov hozyajstvennyh obshchestv v rossijskom i anglijskom prave. — M. : Infotropik Media, 2016. — 176 s.
17. Sovremennoe predprinimatel'skoe pravo : monografiya / otv. red. I. V. Ershova. — M. : Prospekt, 2014. — 352 s.
18. Suhanov E. A. Sravnitel'noe korporativnoe pravo. — M. : Statut, 2014. — 456 s.
19. Halfina R. O. Znachenie i sushchnost' dogovora v sovetskom socialisticheskom grazhdanskom prave. — M. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. — 239 s.
20. Baglioni A. S. Shareholders' Agreements and Voting Power: Evidence from Italian Listed Firms // URL: <http://ssrn.com/abstract=1092864> (data obrashcheniya: 29.05.2019).
21. Chen-Wishart M. Contract Law. — Fourth edition. — Oxford University Press, 2012. — 586 p.
22. Jurčová M., Novotná M. European Contract Law. — Trnavská univerzita v Trnave, Právnická fakulta, 2013. — 100 p.